

Коломейцев Егор Александрович

**АНАЛИЗ КРИПТОТИПА СВОДЕША В НЕЯВНОЙ ГРАММАТИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ**

Статья раскрывает содержание понятия криптотипа М. Сводеша в неявной грамматике на материале современной английской прессы. Одной из важных категорий, находящихся на одном уровне с криптотипом Б. Уорфа в скрытой грамматике большинства индоевропейских языков, является понятие, описанное М. Сводешем. Основное внимание автор акцентирует на том, что данному явлению свойственен скрытый смысл. Смысл этого феномена является функционально значимым в грамматике, его можно выявить только с помощью лингвистического анализа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 113-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'22

Статья раскрывает содержание понятия криптотипа М. Сводеша в неявной грамматике на материале современной английской прессы. Одной из важных категорий, находящихся на одном уровне с криптотипом Б. Уорфа в скрытой грамматике большинства индоевропейских языков, является понятие, описанное М. Сводешем. Основное внимание автор акцентирует на том, что данному явлению свойственен скрытый смысл. Смысл этого феномена является функционально значимым в грамматике, его можно выявить только с помощью лингвистического анализа.

Ключевые слова и фразы: криптотип; криптотип Сводеша; неявная грамматика; криптослоги Сводеша; скрытая категория; криптофонема.

Коломейцев Егор Александрович

*Новосибирский государственный технический университет
pro-english@mail.ru*

АНАЛИЗ КРИПТОТИПА СВОДЕША В НЕЯВНОЙ ГРАММАТИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Термин «криптотип» был предложен Б. Уорфом. Криптотип «чаще всего выражен при помощи специальной морфемы или особой модели предложения, но только в некоторых случаях и вовсе не во всех предложениях, где представлен член данной категории» [4, с. 47].

Доктор филологических наук, профессор Сергей Геннадиевич Проскурин выражает мнение, что для данного явления свойственен скрытый смысл, его едва возможно уловить и невозможно отразить конкретным словом [5, р. 90-91].

Смысл этого феномена является функционально значимым в грамматике, его можно выявить только с помощью лингвистического анализа. Язык обладает «фенотипическими» чертами, которые представляют собой комплекс качеств и свойств, складывающихся в процессе совершенствования, и «криптотипическими», которые стоят за вышеуказанными чертами.

Еще одна важная категория, находящаяся на одном уровне с криптотипом Уорфа в скрытой грамматике большинства индоевропейских языков, – это явление, описанное М. Сводешем (явление, которое было им обнаружено в 50-е годы XX века и названо звуко-символизмом) [2, с. 57-58].

Именно С. Г. Проскурин в своих трудах впервые употребил по отношению к тому, что М. Сводеш называл звуко-символизмом, термин «криптотип», сумев объяснить наличие в нем семантических черт, присущих скрытым грамматическим категориям.

Рассмотрим понятие *неявная криптотипическая категория*, о которой говорит М. Сводеш в своих работах. Речь идет о криптотипизации пространственно-временной сопряженности, которую можно выявить в текстах с индексальными фонемами, содержащими английский звук [ð]. Слова *this (эта, это), that (там, та), these (эти), those (те), the (определенный артикль), they (они), them (им), there (там), then (затем, тогда, потом, позже, в то время), than (чем, нежели)* наделены вышеупомянутым индексальным маркером, они объединены в группу слов, которые выражают пространственно-временную сопряженность и отражают хронотоп (пространственно-временное единство). Однако упомянутая сопряженность находит свое выражение только в смысле:

This 61-year-old Antonov is a career diplomat and was just appointed deputy foreign minister in December [6, р. 14]. / *Этот 61-летний Антонов карьерный дипломат и был назначен заместителем министра иностранных дел только в декабре* (Здесь и далее перевод автора статьи – Е. К.).

That Ukraine adventure – which has recently seen an uptick in fighting between Russian-backed separatists and government forces – also landed Antonov on the E.U.'s sanctions list in 2015 [Ibidem, р. 4]. / *Эта авантюра на Украине – в которой в последнее время наблюдается всплеск боевых действий между поддерживаемыми Россией сепаратистами и правительственными войсками – также была включена Антоновым в список санкций в 2015 году.*

Prior to that, he served as Russia's deputy defense minister, where he became the public face of the Kremlin's intervention in Syria to bolster President Bashar al-Assad, spearheading multiple press briefings on the issue [Ibidem, р. 5]. / *До этого он занимал пост заместителя министра обороны России, когда он стал представителем Кремля в Сирии, чтобы поддержать президента Башара аль-Асада, и провел несколько брифингов для прессы относительно данного вопроса.*

Указательные местоимения *this* («это»), *that* («то») и местоимение *they* («они») относятся к указанной группе индексальных лексем на различных этимологических основаниях, но на синхронном уровне выражают похожий смысл сопряженности в пространстве. Получается, возникающая сопряженность, то есть криптофонемы /ð/ в английском, /d/ в немецком, /т/ в русском, /o/ в хорватском, /qu/ в итальянском языках обозначаются однообразно, это обуславливает то, что ранее в языках доминировала форма экономии языковых средств. Язык для включения немногого исключает многое. И именно немногое выражает изобилие пространственно-временных связей. Аутопоэзис данного явления проявляется с учетом условий. К примеру, мы не делаем хлеб, а всего лишь создаем условия для его производства (мука, дрожжи, печь и т.п.). Таким образом, хлеб получаем при определенных созданных условиях. Также и система указаний обладает как этимологической (генетической),

так и ситуативной природой. Благодаря селективным паттернам, заложенным в сознание людей, слова формируются в матрицы пространственно-временной связи, наделенные одним функциональным смыслом. Неявная грамматика в криптограмме Уорфа проявляется в смешанной природе, заключающейся в предыстории и контексте.

В рамках английского языка криптограммы пространственно-временной связи объединяют значения личных местоимений *he, his, him* со значением указательных местоимений *this, these, that, those*. На основании вовлеченности указанных местоимений в пространственно-временной контекст их возможно объединить в единую матрицу. Например:

*One U.S. official told FP that Antonov earned the respect of the Americans for **this** business-like manner in what would prove to be a quick negotiation* [7, p. 19]. / *Один чиновник из США сказал, что Антонов заслужил уважение американцев благодаря своей деловой манере, в которой он проводит переговоры.*

He also noted, correctly, that when this reporter met a verified Shaltai-Boltai representative on a boat in a European capital in 2015, the pair drank whisky [Ibidem, p. 3]. / *Он также отметил, что, когда этот репортер встретил проверенного представителя Шалтай-Болтай на лодке в европейской столице в 2015 году, пара пили виски.*

Личные и указательные местоимения генетически не связаны и при этом входят в единый селективный паттерн скрытой грамматики. Для актуализации пространственно-временной сопряженности в приведенном примере используется криптофонема /th/. Особое значение в самопостроении имеют дейктические криптофонемы, которые можно обнаружить в большинстве индоевропейских диалектов. Криптофонемы представляют собой определенные совокупности сходства произношения дейктических терминов, которые формируют дейктическое пространство. В английском языке зачастую криптограммы используются в качестве основы отношений предшествования (*Precedence*), одновременности (*Simultaneity*) и следования (*Consecution*):

*Wearing a Christmas jumper emblazoned with reindeer, Alexander sits in a bar in Riga. He had a remarkable story to tell. **After several years** hiding in the shadows, he is, or at least claims to be, the last member still at large of Russia's most notorious band of hackers and leakers* [Ibidem, p. 18]. / *В джемпере, украшенном рождественскими оленями, Александр сидит в баре в Риге. У него есть замечательная история, которую можно рассказать. После нескольких лет, проведенных в тени, он утверждает, что последний член банды печально известной группы хакеров в России до сих пор на свободе.*

Shaltai-Boltai, or Humpty Dumpty, terrorised Russian officials for nearly three years, combining hacking, leaking and extortion, while retaining an impenetrable cloak of anonymity. The group would post online samples of emails from officials they had hacked, and put the rest of the cache up for sale: the incriminating information could then either be bought back by the original sender, or snapped up by enemies [Ibidem, p. 23]. / *Шалтай-Болтай терроризировал российских чиновников в течение почти трех лет, сочетая хакерство, утечку информации и вымогательство, сохраняя при этом непроницаемый покров анонимности. Группа размещала онлайн-образцы писем от чиновников и выставляла некоторые на продажу: компрометирующая информация может затем либо быть выкуплена отправителем, либо раскуплена врагами.*

В английском языке бинарная оппозиция пространственного типа, такая оппозиция, как «близкое – далекое», может быть зарегистрирована в качестве неявной грамматической категории с иконическими показателями:

Here and there the cherry trees were. In some of the rooms the moss grew <...> In the front of the walls the pegs for cattle were here or there [Ibidem, p. 9]. / *То здесь, то там цвели все еще вишневые деревья. Некоторые комнаты уже поросли мхом <...> то здесь, то там в торцовых стенах были все еще видны колышки для различных животных.*

Регистрируемый криптограммы может быть реализован в пространственном смысле.

... he interferences by a creaking word here and there into the conversation and finally offered the guest his golden cigarette tin [Ibidem, p. 14]. / *... время от времени он прерывал разговор своим хриплым голосом и, в конце концов, протянул своему гостю золотой портсигар.*

В криптограмме Сводеша могут быть реализованы такие темы, как «здесь – там», «взад – вперед», «туда – сюда». Стоит отметить, что конкретизация характера движения и направления всегда осуществляется в определенном контексте и всегда зависит от контекста [5, p. 77].

And now we know that in our recent past it melted back and formed again, and sea level went up and down, six meters at a time [7, p. 14]. / *И теперь мы знаем, что в нашем недавнем прошлом он сперва растаял, затем снова сформировался, и уровень моря то поднимался, то опускался приблизительно на 6 метров.*

В историческом аспекте двойственность пространства относится к инновации в английском языке, которая пришла на смену троичной референции. В свое время в работе «Семиотика индоевропейской культуры» говорилось о перемещении парадигм усиленных и ослабленных указательных местоимений к дуальной оппозиции. Например, *Paet* («тот») – *Bis* («этот»). В древнеанглийском языке ближнее и дальнее пространство конструируются в качестве *Ranon* («оттуда») – *Bider* («туда»), а также как *heonan* («отсюда») – *hider* («сюда»). Задние и фронтальные гласные – это маркеры бинарной оппозиции согласно признаку направления движения от дальнего к ближнему и ближнего к дальнему. Во множестве контекстов криптограммы, согласно Сводешу, пересекается не только с двойственностью пространства, но и с направлением движения.

He jiggled up and down in excitement [Ibidem, p. 19]. / *Он метался из угла в угол в страшином волнении.*

He was so excited that he could not stop going there and back [Ibidem, p. 14]. / *Он был настолько взволнован, что постоянно бегал взад и вперед.*

They darted from side to side in search of a better life [6, p. 4]. / *Они металась из стороны в сторону в поисках лучшей жизни.*

Journalists scurried between them back and forth, the cameramen with the frozen hand spun art pens [7, p. 6]. / Журналисты сновали между ними вперед и назад, а кинооператоры застывшими руками вращали ручки техники.

Бином Сводеша в одном из контекстов маркирует жесты или способы жестикуляции. Самым приемлемым переводом на русский язык будет «так и этак».

“Show me your hands,”- she said. I put my hands palms up on the table, she turned and turned them this way and that [Ibidem, p. 14]. / «Покажите-ка мне Ваши руки», – велела она. Я положил свои руки на стол ладонями вверх, она их перевернула и вертела так и этак.

Стоит обратить внимание, что в следующем примере кодируются смыслы «здесь и там», которые повторно подкреплены отношением местоименного дейксиса *me and those* («мной и теми»), согласованным с алгоритмом Сводеша.

I am in an unequal struggle between me and those officials who rule [Ibidem, p. 23]. / Я нахожусь в неравной борьбе между мной и теми должностными лицами, которые правят.

В криптотипе Сводеша могут передаваться и временные отношения «this – that».

That is why I have used in this hot season to rest during this day and during night to continue my journey; and that night I was in the train [Ibidem, p. 19]. / Оттого я имею обыкновение в это жаркое время года отдыхать днем, а ночью продолжать свое путешествие; так и прошедшей ночью я был в поезде.

Очень часто процесс криптитипизации происходит в формульных единствах. Например:

Every night at eleven, he appeared in the club to play for two hours. In the game he was judicious, he did not play in large, but not in small (led not a big game, but not small) [Ibidem, p. 18]. / Каждый вечер в одиннадцать он появлялся в клубе, чтобы поиграть два часа. В игре он был рассудителен, играл не по-крупному, но и не по-малому (вел не большую игру, но и не малую)...

В этом смысле бинарная оппозиция *not in large but not in small* (не по-крупному, но и не по-малому) актуализирует необходимый криптотип. Кроме этого, иногда оппозиция может выражать целостность на уровне всего выражения формульного типа: «one and all» – «все без исключения». Данная формула является меризмом, то есть двуединой структурой, обозначающей целостность посредством ее компонентов – один и все.

Итак, кроме традиционных, в грамматике существуют нетрадиционные категории, которые опираются на весь пласт прошлого развития. Подобные криптитипизации просматриваются одновременно в фонологии, семантике и, конечно, грамматике [3, с. 79].

Описание скрытых значений осложняется также и тем, что значения, скрытые в одном языке, могут иметь формальные способы выражения в другом языке. Например, в английском языке с помощью артикля формально выражается категория определенности / неопределенности.

Для многих высказываний невыраженный смысл можно понять только из контекста, из ситуации или из общего фонда знаний общающихся. Это связано с тем, что невыраженных смыслов у одного и того же высказывания может быть несколько. В высказывании *He was the first president* можно в зависимости от ситуации найти следующие невыраженные смыслы:

He was the first president who managed to do it. / Он был первым президентом, которому удалось это осуществить.

He was the first president (в принципе, первый президент).

He was the first president who did not manage to do it. / Он был первым президентом, которому не удалось сделать это и т.д.

Скрытый смысл, заложенный в том или ином высказывании, всегда зависит от намерений и интенций автора.

Значение скрытой категории «обычно является словарным признаком лексемы, а модифицирующие скрытые категории характеризуют высказывание в целом и часто являются продуктом взаимодействия его компонентов» [1, с. 320-321].

Скрытые категории, конечно, есть в грамматике, и понятия могут существовать даже и без представляющих их слов. Во-первых, наличие слова (отдельной лексической единицы) служит прямым свидетельством существования понятия, а при его отсутствии имеются в лучшем случае лишь косвенные свидетельства. Во-вторых, при общении недостаточно «обладать» понятием, важны также средства передачи его другим людям (даже при предположении, что можно «обладать» понятием, не имея средств для его передачи). Для некоторых понятий такая передача возможна с помощью описательных конструкций или парафраз; для других, однако, необходимо иметь прямое лексическое выражение.

Список источников

1. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 320-355.
2. Проскурин С. Г., Орехова О. М. Аутопоззис дейктических матриц // Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2008. Вып. 12. С. 56-58.
3. Сковородников А. П. О понятии и термине «языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2. С. 79-87.
4. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44-60.
5. Proskurin S. G. Essays in Contemporary Semiotics. N. Y.: LEGAS, 2010. 99 p.
6. Times. 2013. № 1-12 // British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения: 26.03.2017).
7. Times. 2015. № 1-12 // British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения: 25.03.2017).

**ANALYSIS OF SWADESH'S CRYPTOTYPE IN IMPLICIT GRAMMAR
BY THE MATERIAL OF THE MODERN ENGLISH PRESS**

Kolomeitsev Egor Aleksandrovich
Novosibirsk State Technical University
pro-english@mail.ru

The article reveals the content of the notion of the cryptotype proposed by M. Swadesh in implicit grammar by the material of the modern English press. One of the important categories that are on par with B. Whorf's cryptotype in the implicit grammar of most Indo-European languages is the notion described by M. Swadesh. The author focuses on the fact that this phenomenon has a hidden meaning. The meaning of this phenomenon is functionally significant in grammar, it can be revealed only by means of linguistic analysis.

Key words and phrases: cryptotype; Swadesh's cryptotype; implicit grammar; Swadesh's cryptosyllables; implicit category; cryptophoneme.

УДК 811.161.1:82–97

Статья посвящена теме, связанной с религиозными смыслами слова. Целью статьи является установление соотношения семантики слов ум и разум в религиозном тексте в сравнении с данными современного русского языка. В статье обосновано, что семантика данных лексем в религиозном тексте отлична от нерелигиозного употребления. Также впервые показано, что и в религиозном тексте (у свт. Игнатия) ум и разум не просто различны по семантике, но по-разному концептуализируются (разум духовный и плотский). С одной стороны, такое употребление полностью соответствует парадигме православной концептосферы, с другой стороны, имеет индивидуальное отличие от «стандарта». В заключение автор приходит к выводу, что поучительность слов святителя Игнатия даёт в том числе ответы на вопросы о принципиальной разнице ума и разума в православном воспитании человека.

Ключевые слова и фразы: ум; разум; симфония; лингвоконцепт; религиозная семантика; концептосфера.

Коренева Юлия Викторовна, к. филол. н., доцент
Московский государственный областной университет
iv.koreneva@mgou.ru

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ УМ – РАЗУМ В СИМФОНИИ
ПО ТВОРЕНИЯМ СЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)**

Рост научного интереса к религиозной сфере и религиозным текстам – применительно к русской лингвокультуре речь идёт о православном христианстве – с учётом современных направлений исследований (когнитивного и культурологического) даёт право говорить об актуализации религиозной тематики. В контексте соотношений русского и церковнославянского языков научную важность приобретает проблема религиозных смыслов слова, точнее, того семантического объёма, который приобретает слово в определённой концептосфере (подробнее о религиозном языке и религиозных смыслах см.: [3; 4; 6; 9; 13; 17]). Изучение религиозного дискурса, концептуализации его составляющих, смыслового состава с лингвистических позиций только начинается. Связано это, прежде всего, с пониманием важнейшей роли церковнославянского языка в формировании русской языковой и религиозной картин мира, необходимости научного осмысления репрезентирующих текстов. Таким образом, заявленная тема статьи актуальна и органично вписана в контекст современной научной парадигмы. Цель нашего рассуждения связана с установлением семантической разницы между лексемами ум и разум в одном из жанров религиозных текстов – симфонии по трудам святителя Игнатия Брянчанинова.

С позиций православного учения о человеке ум и разум связаны между собой не так, как они связаны в узуальном употреблении: в языковом сознании ум связан скорее с разумом и рассудком, о чём свидетельствуют парадигматика соответствующих лексем. Лексема ум синонимизируется с рассудком, разумом, смыслом, а разум – с мудростью, умом, рассудком, интеллектом [10; 15]. Антонимические отношения данных лексем в русском языке также близки: ум – безумие, глупость, сердце, чувство [16]; разум – безумие, глупость, чувство, сердце, инстинкт, дурь [11]. Примечательно и толкование данных слов: ум толкуется в том числе и как сознание, рассудок [2], а разум – как ум, интеллект [1].

Современное состояние русского языкового сознания, отражаемое частично в различных текстах и в том числе в толковых словарях, показывает теснейшую близость семантики данных лексем, вплоть до взаимозамены. В текстах разных типов и жанров слова ум и разум обычно соседствуют в ближайших контекстах либо одно подразумевает другое при употреблении другого:

Три на пять правильно умножат – уже победа. Разума над этим... как его... Короче, там, конечно, одним умом не обойтись... хватка нужна, чутьё... дороже ума стоит (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый мир. 2001) [8];